

А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...

Авторы: Сич Л.М., Андронік Л.Й.

Звучит «Довоенный вальс» в исполнении И. Кобзона, танцуют пары, фотограф их снимает. Дети играют воздушными шариками.

Объявление о начале войны, слышится канонада, пары разбегаются.

Под звуки песни «Священная война» девушки провожают мальчиков на войну.

Сцена 1

Под музыку из-за сцены звучат слова. Шел май 1942 года. На западе обе стороны, на два метра врывшись в землю, окончательно завязли в позиционной войне. На востоке немцы день и ночь бомбили канал и мурманскую дорогу, на севере шла ожесточенная борьба за морские пути, на юге продолжал упорную борьбу блокированный Ленинград. А в 171 разъезде был курорт...

Майор. Ты что это курорт здесь развел? Ты комендант или кто? Что это за бесконечные рапорты? Объявляю тебе, старшина, очередной выговор!

Васков. Есть выговор. Шлите непьющих...

Майор. Ты порядок-то в разъезде наведи. В двенадцати уцелевших дворах осталось достаточно молодух и вдовушек, умеющих самогон добывать чуть ли не из комариного писка. Они же солдат спаивают. Что это за именины у них по несколько раз в месяц? Это как называется: кому война, а кому мать родна что ли?

Васков. Товарищ майор, от тишины и безделья солдаты млеют. Вот и идут к бабам.

Майор. Чепушиной занимаетесь! Писанину развели! Не комендант, а писатель какой-то!.. А в последнее время вообще обнаглел! Ты что же, думаешь, мы дураки вовсе, не видим, как ты в рапортах даты и фамилии меняешь и шлешь опять?

Васков. (*упрямо*) Шлите непьющих. А то три дня солдаты отсыпаются, а на четвертый начинают по бабам ходить да водку жрать... Непьющих и это... Чтоб значит, насчет женского пола.

Майор. Евнухов, что ли?

Васков. Вам виднее.

Майор (*распаясавшись*). Ладно, Васков!.. Будут тебе непьющие. И насчет женщин тоже будет все как положено. Но гляди, старшина, если ты и с ними не справишься...

Васков (*деревяннo*). Так точно.

Сцена 2

Хозяйка. Ну, товарищ старшина, ты доволен? Увез майор не выдержавших искушения зенитчиков. Еще и пообещал, что пришлет таких, которые от юбок и самогонки нос будут воротить! Однако сможет ли выполнить обещание, за три дня не прибыло еще ни одного человека.

Васков. Вопрос сложный. Где ж ему непьющих то найти?

Хозяйка. Два отделения зенитчиков – это же почти что двадцать человек непьющих. Весь фронт перетряси, и то – сомневаюсь...

Васков рассматривает карту, пьет чай.

Соседка. Все воюешь, Федот Евграфыч? Зачем это ты на солдатиков пожаловался? Забрали их, а мы теперь как? Ты теперь один у нас остался, вроде как на племя.

Хозяйка. Ишь, чего удумали! (*Смеется*).

Соседка. Ты теперь по дворам ходить будешь, как пастух. Неделю в одном дворе, неделю – в другом. Такая у нас, у баба, договоренность насчет тебя. (*Смеется*).

Васков. Ты, Полина Егоровна, совесть поимей. Солдатка ты или дамочка какая? Вот и води себя соответственно.

Соседка. Война, Евграфыч, все спишет. И с солдат и с солдаток.

Слышится стук в дверь. Забегает хозяйка, загадочно улыбаясь.

Хозяйка. Ну, товарищ старшина, прибыло пополнение!

Васков. С командиром прибыли?

Хозяйка. Не похоже, Федот Евграфыч.

Васков. Слава богу! Власть делить – это хуже нету.

Хозяйка. Погодите радоваться.

Васков. Радоваться после войны будем.

Девушки строятся не в ряд. Хозяйка и соседка с любопытством рассматривают девушек.

Кириянова (*тускло*). Товарищ старшина, первое и второе отделения третьего взвода пятой роты отдельного зенитно-пулеметного батальона прибыли в ваше распоряжение для охраны объекта. Докладывает помкомвзвода сержант Кириянова.

Васков. Та-ак, нашли, значит непьющих... Из расположения без моего слова ни ногой.

Женька. (*бойко*). Даже за ягодами?

Васков. Ягод еще нет.

Кириянова. А щавель можно собирать? Нам без приварка трудно, товарищ старшина, - отощаем. (*Девушки смеются.*)

Васков. Не дальше речки. Аккурат в пойме прорва ее. (*Выходит на край сцены и разговаривает с хозяйкой*). Зенитчицы оказались девками шумными и задиристыми, после их приезда я себя не дома, а в гостях чувствую: зайдешь куда, не постучав, тут же визг раздается.

Хозяйка. Ночами зато зенитчицы азартно лупят из восьми стволов по пролетающим немецким самолетам, а днем и песни поют, и танцуют, и стихи читают. Хорошие девчата.

Васков. Да только война ведь... Все должно быть согласно уставу...

Хозяйка. Я тут понаблюдала за вашим общением с подчиненными, да не бычьтесь вы, Федот Евграфыч. Хоть вам этой весной всего 32 исполнилось, они вас промеж себя стакиком величают, так что глядите на них соответственно.

Девушки развешивают одежду.

Васков. Что за украшения? Что это вы постоянно эти постирушки устраиваете? Демаскирует. (*угрюмо*)

Кириянова. А есть приказ.

Васков. Какой приказ?

Кириянова. Соответствующий. В нем сказано, что военнослужащим женского пола разрешается сушить белье на всех фронтах. Люда, Вера, Катенька – в караул! Катя – разводящая.

Васков. Не порядок. Разве это команда? Развод караулов полагается по всей строгости делать, по уставу. А это насмешка какая-то.

Кириянова. А у нас разрешение, товарищ старшина. От командующего. Лично...

Сцена 3

Девушки стелют шинели, шепчутся между собой.

Катя. Ой, девчонки, а я в Самаре в училище познакомилась с лейтенанчиком молоденьким. Ну, совсем еще мальчишка, такой милашка. А целуется как, мама родная...

Женька. Галка, Четвертачок, включайся в разговор.

Галя. А вот как я познакомилась со своим. Он ко мне подходит и говорит: «Разрешите с вами познакомиться. Я, говорит, известный... полярный...»

Кириянова. Медведь. (*Девушки смеются.*)

Галя. Нет, летчик. Жить, говорит, без тебя не могу.

Кириянова. Вот так сразу и сказал?

Галя. Пылал весь. А я ему говорю: «У меня планы, у меня будущее...»

Женька. А он что?

Галя. Давай, говорит, с тобой тайно распишемся, а то мне завтра лететь, вдруг обледенеет?» А мне его так жалко, так жалко, я ему говорю: «Давай».

Кириянова. Ну, смелая ты деваха, Галка.

Рита. (*Строго*). Спать!.. Еще услышу о глупостях – настоишься на часах вдоволь.

Кириянова (*лениво*). Зря, Ритуха. Пусть себе болтают: занятно.

Рита. Пусть влюбляются – слова не скажу. А так, лизаться по углам, - этого я не понимаю.

Кириянова. Пример покажи.

Рита. Да ну вас! (*Уходит*).

Женька. Та хватит вам. Треплитесь только зря.

Вера. Девочки, хорошо бы сюда чайку, правда?

Люда. А кто у нас сегодня дежурный?

Кириянова. Катюша, милая, побыстрее бы согреться.

Катя. Я сейчас, я мигом. У меня уже все готово. (*Приносит чайник и кружки*). Вот, девочки, разбирайте кружки, подставляйте, я кипяточку налью, а пахнет он сегодня особенно. Я вишневых веточек наломала, когда мы останавливались в одной деревушке. Вот, думаю, попьем чайку и вспомним все вместе наши родные края. Этот запах мне всегда напоминает родной дом – такой тихий, уютный, всю нашу семью. Все вот как живые перед глазами.

(*Слышится трель соловья*).

Женька. Девочки, что это? Будто соловей поет?

Лиза. Ишь ты, как радостно поет, будто и войны вовсе нет. Вроде радуется, что мы тут объявились, в его зеленом царстве.

(*Девушки поют песню «Соловьи»*).

Женька. И так на душе тревожно было, а теперь и вовсе смутно стало. Давайте я лучше вас развеселю. Расскажу вам историю, которая со мной приключилась.

Вера. Раз веселую – то хоть до утра, а то мы уж совсем приуныли здесь.

Женька. Ну, тогда слушайте:

- Вот сижу я, значит, девки,
Под покровом темноты.
Слышу: шорох, вижу, девки,
Немец лезет...

- Ну, а ты?

- Ну, а я конечным делом
Притаилась меж сосен.
Белый снег, и я вся в белом,
Жду бандита ...

- Ну, а он?

- Ну, а он ползет по лесу,
Только вижу, девки, я,
Много в том фашисте весу,
Как бугай он...

- Ну, а ты?

- Ну, а я по весу – муха.
Как полезешь на рожон?
Ах, ты, думаю, поруха!
Как с ним сладить?..

- Ну, а он?

- Ну, а он все ближе, ближе...

Только вижу, девки, я,
Брюхом он лежит на лыже,
Снег глубокий...
- Ну, а ты?
А я думаю упрямо:
Взять живьем его должна.
Автомат наставлю прямо.
Будь, что будет...
- Ну, а он?
- Ну, а он совсем уж рядом,
Норовит вильнуть в кусты.
Водит, вижу, волчьим взглядом.
Подползает...
- Ну, а ты?
- Тут меня и осенило!
Взяла вбок одним прыжком
И на фрица, на верзилу
Прямо с маху бах верхом.
- Хальт! – кричу. – Не то стреляю!
Ходу чертова душа!
И к затылку приставляю
Свой заветный «пэ-пэ-ша».
- Ну, а он?
- Куда ж деваться!
Подчинился мне, подлец,
И повез меня он, девки,
Как хороший жеребец.
Запотел, кряхтит, кривится,
На груди гремят кресты.
Еду я версту на фрице,
Еду, девки, три версты.
Молит фриц, бормочет что-то.
Дескать. Выдохся. Капут!
«Ничего! – говорю. – Работай!
Отдохнешь. А мед не тут!»
Ох, уж утром было смеху!
Из лесочка под уклон
Как на пленном я въезжала
В свой зенитный батальон.

Люда. На сцену бы тебя, Женька! Такая баба пропадает! Как ты-то здесь оказалась?
А у тебя тоже есть свой счет?

Женька. Эх, хорошая жизнь была до войны! Что я только не делала! Даже на кабанов с отцом ходила. Мама боялась: «Не пушу! С ума сошел: девочку на охоту таскать». А папка ей: «Пусть привыкает! Дочка красного командира ничего не должна бояться». А я и не боялась. На лошадях скакала, в тире стреляла, по городку на отцовском мотоцикле гоняла. А еще танцевала на вечерах. *(Показывает.)* «Разрешите?» - «Пожалуйста». *(Танцует.)* Романы крутила с лейтенантами, влюблялась *(со вздохом)*. *(Копируя отца.)* «Женька, совсем ты голову лейтенанту Сергейчуку заморочила. Докладывает мне сегодня: «Товарищ Евг... генерал...» А я ему: «Врешь ты все, папка». Счастливое было время, веселое... Лейтенанты букеты носят, серенады под окнами поют. А теперь одна я... Маму, сестру, братишку – всех из пулемета уложили.

Катя. Обстрел был?

Женька. Расстрел. У меня папаня – красный командир. Семьи комсостава захватили и – под пулемет. А меня эстонка спрятала в доме напротив, и я видела все. Все! Сестренка последней упала – специально добивали...

Вера. Да, всем нам досталось от войны. Девчонки, я вам никогда не говорила о том, что со мной было. Страшно! Как вспомню, так и стоит все перед глазами (показывает руки).

Люда. Что это, Вера? Что с твоими руками? Следы от ожогов?

Вера. Зверье фашистское. Повек не забуду. (Плачет и рассказывает). Пришли к нам в село каратели и сделали блокировку. Такая блокировка, что посты кругом, никуда из хаты не денешься. Свекровь моя выбежала, а они ее перед окном и застрелили. Всех согнали в очередь, поставили и давай стрелять. И всех убили. Деткам малым головы позавернули, как петухам. Показнили их... А девочка одна, четыре годика ей было, говорит: «Ой, дядя, не бейте меня с мамулей, я вам спою ту песенку, которая «Серые гуси»... А другой мальчик... и штанишки упали, голенький-голенький... Идет прямо голенькими ножками, да тот мужчина, весь в черном, и кисти на нем нарисованы, он в него из разрывной пули. Кишочки вымотало, он стонет, аж у нас в хате слышно, как стонет... А к нам в окно стали гранаты кидать – одну, другую, третью... Первая граната братику моему в голову попала. Всего разнесло, а меня осколком ранило. И лежу я там, не чувствую ничего, уж и память потеряла. Потом чую я – горит мое тело все, и обгорела я уж много... Я подтянула стол к окну и вылезла через него. Я не то что, дорогие мои, не думала, что выживу, я думала, что как вылезу на двор, так скорее меня добьют. Ведь вся в огне, вся пообгорела, раненная... Ну, вижу, вроде нет их рядом, я и поползла...

Катя. Верочка, милая ты не плачь, Мы отомстим им за твоего братика и за мальчика того, и за всех, кого уже нет в живых.

Люда. А знаете, девчонки, иногда мне кажется, что все это страшный сон. Вот проснусь, открою глаза, и все эти ужасы сгинут: ни выстрелов, ни бешеного воя снарядов, ни зловещих немецких «тигров», ни тягостной смерти. Все живы, все вокруг тихо, спокойно, лишь журчанье ручейка, как будто он что-то шепчет с камнями, рассказывает веселые истории.

Женька. Девочки, почему вы все сегодня в таком подавленном настроении? Нам бы хоть немножко забыться. На новом месте уйти хоть мысленно от этой проклятой войны. Давайте улыбнемся да споем что-то душевное. А? Давайте. Сонечка, запевай!

Соня. Не могу я сегодня петь, девчата, будто комок какой-то в горле стоит.

(Заходит хозяйка, слушает разговор).

Кириянова. Девчата, а вы знаете почему наш старшина кашляет да пыхтит постоянно?

Вера. Потому что старый уже, хоть и молодой! *(Смеются).*

Хозяйка. Да нет, девки, я вам расскажу. А началось все с того, что жарким майским днем завернул он за пакгауз и обмер: в глаза ему как будто брызнуло таким неистово белым, таким тугим да еще восьмикратно помноженным телом, что Васкова аж в жар кинуло. Видно он не видал баб голых, да еще в таком количестве. Прибегает ко мне, запыхавшись, и говорит: «Ишь чего удумали, все первое отделение во главе с командиром младшим сержантом Осяниной загорают на казенном брезенте в чем мать родила. И хоть бы завизжали для приличия, так нет же: уткнули носы в брезент, затаились. Чорти что, а не взвод...» А сам красный, будто на нем воду возили. Вот с того дня и стал он кашлять на каждом углу. *(Смеются).*

Женька. Да нет, девочки. Он мужик хороший. А давайте за ним пойдем, пусть споет нам «Катюшу» или «Смуглянку»?

Хозяйка уходит за стариной.

Кириянова. Товарищ старшина, у нас к вам просьба имеется, от всего взвода... Спойте нам! А мы подпоем, правда девочки?

Поет «Катюшу», потом - «Смуглянку». Девочки подпевают, танцуют.

Васков. Ох, и веселые вы девчата. Будто и война вас не коснулась. Ну ладно, попели, повеселились, а теперь спать ложитесь. *(Уходит).*

Лиза плачет.

Кириянова. Втюрилась, втюрилась наша Бричкина в душку военного. Лизавета, ты не плачь, проще жить надо.

Лиза. Проще? Как это проще? Я на кордоне жила – глухомань страшная: одни медведи и волки воют. И доучиться не пришлось: мамка болела очень, папаня всегда пьяный был, а я все по хозяйству. Управляюсь с делами и все думаю, думаю, жду чего-то. Верила, что завтра счастье будет. Вот проснусь, а оно в дверях. Раз проснулась, охотник приехал из города, молодой такой, симпатичный, с белыми зубами. Я и пошла к нему. Пришла и говорю: «Може, вам постель поправить?» «Скучно», - спрашивает. «Скучно, говорю». А он: «Глупости, Лиза, не стоит делать даже со скуки. А на утро уехал, только записку оставил: «Лиза, тебе надо учиться, а то в лесу совсем одичаешь. Приезжай в августе, устрою в техникум с общежитием». А потом уже война началась.

Галя. У меня мама – медицинский работник, она говорила, что ...

Люда. Да перестань ты: давно все знают, что ты подкидыш.

Галя. Я всю жизнь мечтала стать солисткой, петь в длинных платьях. Я так люблю все таинственное. Думала, на войне его много будет. Но меня на войну не хотели брать, говорили, что не подхожу под армейские стандарты ни ростом, ни возрастом. Но я наврала, и в порядке исключения меня направили в зенитчицы. Но романтика быстро улетучилась, а на фронте совсем не так, как я себе представляла.

Катя. Да уж...

Вера. Сонь, а ты о чем размечталась? Расскажи о себе.

Соня *(с письмом в руках).* А я учиться хочу. Все время представляю: иностранная делегация и меня рекомендуют: «С вами будет работать переводчик Соня Гурвич». Знаете, у нас была большая дружная семья. Папа был врачом. Еще доселе помню этот тревожный дребезг, когда его вызывали к больным: днем и ночью, зимой и летом. Папа брал чемоданчик и в любую погоду шел пешком, потому что извозчик дорого стоял. У нас была большая дружная семья: дети, племянники, бабушка, мамина сестра, еще одна дальняя родственница, и в доме не было кровати, на которой спал бы один человек, а кровать, на которой спали трое, была. А сейчас я не знаю, что с ними: остались в оккупированном Минске. Знаете, я и сапог никогда не носила, а теперь получила на два размера больше. Оказывается, ходить в них так неудобно.

Вера. А письма от кого получаешь?

Соня. Ну, это особая история.

Галя. А зори здесь, девчонки, тихие-тихие... Давайте-ка лучше споем. Эй, Сонь, заводи нашу любимую. *(Поют «В землянке»).*

Все ложатся спать. Рита тихо встает и быстро уходит.

Женька. Зарвалась ты мать! Налетишь на патруль, либо командир какой заинтересуется – и соришь.

Рита. Молчи, Женька, я везучая!

Женька. А Васков застучает – занудит, запилит – света неувидишь. Устав будет цитировать, инструкции, наставления. Девчонок намедни довел до третьих слез: не то что за реку – со двора зареклись ходить.

Рита. Да ну его! Боюсь очень! Ходит по разъезду пенек замшелый: в запасе двадцать слов, да и те из уставов. Кто его всерьез воспринимает?

Женька. Ой, гляди, Ритка!

Четвертак (указывая на Риту). Чего это она смурная всегда такая. Не улыбнется, странная какая-то.

Вера. А немцев как режет. Глазом не поведет. Ненавидеть умеет тихо и беспощадно. Помните, как первого фрица изрешетила? Тот когда в аэростат попала, из корзины выбросился и камнем полетел вниз, а она долго ждала, а когда немец перед самой землей рванул парашют, очередь из четырех стволов разрежала его. Вот мы кричали от восторга, а она только улыбнулась наклеенной улыбкой.

Кириянова. Ее тогда всю ночь трясло. Я ее после чаем отпаивала да утешала. Мне мой первый гад месяц снился.

Женька. У нее личный счет имеется. А вы как бы поступили? У нее муж погиб на второй день войны. Тогда она сама попросилась по окончании зенитной школы на тот участок, где он погиб. Сынишка маленький где-то с больной матерью остался.

Сцена 4

Рита выходит. Перед ней спиной стоят два немца со свертками в руках, закуривают папиросу. Рита спряталась, от испуга зажав рот кулаком. Немцы проходят мимо, касаясь плеча Риты. Останавливаются, что говорят, курят, идут дальше. Рита бросилась бежать.

Рита. (Стучит в дверь Васкова. Выходит распрятанный Васков, в тапочках на босу ногу.) Товарищ комендант!.. Товарищ старшина!..

Васков (сонно). Что?

Рита. Немцы в лесу!

Васков. Та-ак (подозрительно сощуриваясь). Откуда известно?

Рита. Сама видела. Двое, с автоматами, в маскировочных накидках...

Васков. (Рите) Команду – в ружье: боевая тревога! Кириянову ко мне. Бегом!

Рита бежит во взвод, Васков – к телефону.

Васков. «Сосна!» «Сосна!».. Ах ты, мать честная!.. Либо спят, либо поломка... «Сосна»!.. «Сосна»!..

Майор (за сценой). «Сосна» слушает.

Васков. Семнадцатый говорит.

Майор. Ты, Васков? Что там у вас?

Васков. Так точно, товарищ Третий. Немцы в лесу возле расположения. Обнаружены сегодня в количестве двух...

Майор. Кем обнаружены?

Васков. Младшим сержантом Осяниной... Я на тревогу объявил, товарищ Третий. Думаю лес прочесать...

Майор. погоди чесать, Васков. Тут подумать надо: объект без прикрытия оставим – тоже по голове не погладят. Как они выглядят, немцы твои?

Васков. Говорит, в масках, с автоматами. Разведка...

Майор. Разведка? А что ей там, у вас, разведывать? Как ты с хозяйкой в обнимку спишь? Чего молчишь, Васков? О чем думаешь?

Васков. Думаю, надо ловить, товарищ Третий. Пока далеко не ушли.

Майор. Правильно думаешь. Бери пять человек из команды и дуй, пока след не остыл.

Сцена 5

Кириянова. Взвод, стройся.

Девушки строятся, кто с распущенными волосами, кто с папильотками на голове.

Васков. Тоже мне, вояки... Вольно. Хорошо вы по самолетам ночами лупите, да пришел час повоевать с немцем на земле, а не в небе. Осянина, кто пойдет?

Рита. Женя, Галя, Лиза...

Васков (*сморщившись*). Погодите, Осянина! Немцев идем ловить – не рыбу. Так чтоб стрелять умели, что ли...

Рита. Умеют.

Васков. Да, вот еще. Может, немецкий кто знает?

Соня (*тихо*). Я знаю.

Васков (*сердито*). Что – я? Что такое я? Докладывать надо!

Соня. Боец Гурвич.

Васков. Ох-хо-хо! Как по-ихнему руки вверх?

Соня. Хенде хох.

Васков. Точно. (*Махнув рукой*) Ну, давай, Гурвич...

5 девушек выходят из строя.

Васков. Идем на трое суток, так надо считать. Взять сухой паёк, патронов... по пять обойм. Подзаправиться... Ну, поесть, значит, плотно. Обуться по-человечески, в порядок себя привести, подготовиться. Р-разойдись!.. Кирьянова и Осянина – со мной.

Сцена 6

Васков (*развернув на столе карту*). Значит, на этой дороге встретила?

Рита. Вот тут (*показывает*). А прошли мимо меня по направлению к шоссе.

Васков. К шоссе?.. А чего ты в лесу в четыре утра делала?

Кирьянова. (*Не глядя*). Просто по ночным делам.

Васков. Ночным?

Кирьянова. Знаете, товарищ старшина, есть вопросы, на которые женщина отвечать не обязана.

Васков. Нету здесь женщин! (*Кричит, пристукнув ладонью по столу.*) Нету! Есть бойцы, и есть командиры, понятно? Война идет, и покуда она не кончится, все в среднем роде ходить будем...

Кирьянова. То-то у вас постелька распахнута, товарищ старшина среднего рода...

Васков (*недовольно*). К шоссе, говоришь, пошли?

Рита. По направлению...

Васков. Какого черта им у шоссе делать: там по обе стороны еще в финскую лес сведен, там их живо прищучат. Нет, товарищи младшие командиры, не к шоссе их тянуло...

Рита. Там кусты и туман. Мне казалось...

Васков. Креститься надо было, коли казалось. Тючки, говоришь, у них?

Рита. Да. Вероятно, тяжелые. Очень аккуратно упакованы.

Васков (*проходясь по комнате*). Мыслию я, тол они несли. А если тол, маршрут у них совсем не на шоссе, а на железку. На Кировскую дорогу, значит.

Кирьянова (*недоверчиво*). До Кировской дороги не близко.

Васков. Зато лесами. А если леса погибельные: армия спрятаться может, не то что два человека.

Рита (*взволнованно*). Если так... Если так, то надо охране на железную дорогу сообщить. Ведь они наверняка тол несут чтобы дорогу взорвать!

Васков. Кирьянова сообщит. Мой доклад – в двадцать тридцать ежедневно, позывной «17». (*Про себя*) Эх, бабы, бабы, несчастный вы народ! Мужикам война эта – как зайцу курево, а уж вам то...

Сцена 7

Девушки выстроены в шеренгу.

Васков. Становись! Противника не бойтесь. Он по нашим тылам идет – значит, сам боится. Но близко не подпускайте, потому как противник мужик здоровый и вооружен специально для ближнего боя. Если уж случится, что рядом он окажется, тогда затаитесь

лучше. Только не бегите, упаси Бог: в бегущего из автомата попасть – одно удовольствие. Ходите только по двое. В пути не отставать и не разговаривать. Если дорога попадется, как надо действовать?

Женька. Знаем. Одна – справа, другая – слева.

Васков. Скрытно. Порядок движения будет такой: впереди – головной дозор в составе младшего сержанта с бойцом. Затем – основное ядро: я (*оглядел шеренгу*)... с переводчицей. За нами – последняя пара. Идти не рядом, а на расстоянии видимости. В случае обнаружения противника или чего непонятного... Кто по-звериному или там по-птичьему кричать может? (*Девушки захихикали.*) Я серьезно спрашиваю! В лесу сигналы голосом не подашь: у немца тоже уши есть.

Соня (*робко*). Я умею. По-ослиному: и-а, и-а!

Васков. Ослы здесь не водятся. Ладно, давайте крякать учиться. Как утки. (*Крякает. Все смеются.*) Так селезень утицу подзывает. Ну-ка, попробуйте. (*Все с удовольствием крякают.*) Идем на Воль-озеро. Глядите сюда (*Разворачивает карту. Все толпятся вокруг Васкова.*) Ежели немцы к железке идут, им озера не миновать. А пути короткого они не знают: значит, мы раньше их там будем. До места нам верст двадцать – к обеду придем. И подготовиться успеем, потому как немцам обходным порядком да таясь не менее чем полста верст отшагать надо. Все понятно, товарищи бойцы?

Девушки. Понятно...

Васков. Готовы?

Рита. Готовы.

Васков. Заместителем на все время операции назначаю младшего сержанта Осянину. Сигналы напоминаю: два кряка – внимание, вижу противника. Три кряка – все ко мне. Головной дозор, шагом марш!

Сцена 8

Впереди идут Рита и Лиза, посредине – Васков и Соня, сзади – Женька и Галя. Васков приглядывается к следу.

Васков (*Соне*). Хорошо немчура побегает. Здорово очень побегает – верст на сорок. (*У Сони приклад по земле волочится.*) Тятя с маманей живы у тебя? Или сиротствуешь?

Соня (*устало*). Не знаю. В Минске мои родители. Я в Москве училась, готовясь к сессии, а тут...

Васков. Известия имеешь?

Соня. Ну, что вы... (*со вздохом*) Может, уйти успели...

Васков. А ну, боец Гурвич, крякни три раза!

Соня. Зачем это?

Васков. Для проверки боевой готовности. Ну? Забыла, как учил?

Соня. Нет, не забыла! (*Неудачно крякает.*)

Все девушки бегут к ним.

Девушки. Что случилось?

Васков. (*Рите*) Коли б что случилось, так вас бы уже архангелы на том свете встречали. Растопалась, понимаешь, как телушка. И хвост трубой. (*Рита обиделась.*) Устали?

Женька (*с вызовом*). Еще чего!

Васков (*миролюбиво*). Вот и хорошо. Что в пути заметили? По порядку. Младший сержант Осянина.

Рита (*замялась*). Вроде ничего. Ветка на повороте сломана была.

Васков. Молодец, верно. Ну, замыкающие. Боец Комелькова.

Женька. Ничего не заметила. Все в порядке.

Лиза (*торопливо*). С кустов роса сбита. Справа еще держится, а слева от дороги сбита.

Васков (*довольно*). Вот глаз! Молодец, красноармеец Бричкина. Тут слева и справа трясины: маму позвать не успеете. Каждая слегу возьмет и, прежде чем ногу поставить, слегой дрыгну пусть попробует. Вопросы есть?

Женька. Есть.

Васков (*недовольно*). Что вам, боец Комелькова?

Женька. Что такое слегой? Слегка, что ли?

Васков. Что у вас в руках?

Женька. Дубина какая-то...

Васков. Вот она и есть слега. Ясно говорю?

Женька. Теперь прояснилось.

Васков. Вопросы есть еще?

Галя. Глубоко там?

Васков. Местами будет по... Ну, по это самое. Вам по пояс, значит. Винтовку берегите.

Идут по болоту, налегая на шесты.

Лиза. Холодно, девочки.

Галя. Я мокрая до самых-самых...

Женька. Думаешь, я сухая? Я раз да как сяду!..

Девушки смеются.

Васков. Как, товарищи?

Соня. Пиявки тут есть?

Васков. Нету тут никого. Мертвое место, погибельное.

Булькнул пузырь. Галя испуганно ойкнула.

Лиза. Газ болотный выходит. Не бойтесь. Потревожили мы его... Старики бают, что аккурат в таких местах хозяин живет, леший, значит. Сказки, понятное дело... Чуть, товарищи бойцы, осталось, поднатужьтесь. У протоки отдохнем.

Женька. Ура!.. пляж, девочки!

Васков. Отставить!.. Смирно!..

Все замерли.

Васков (*сердито*). Песок!.. А вы в него винтовки суete, вояки. Винтовки к дереву прислонить, понятно? Сидора, скатки – в одно место. Давайте, товарищи бойцы, перекусим маленько да двинем, пока не засиделись.

Сцена 9

Все едят по двое из одного котелка.

Женька. Эх, петь хочется. А тихо-то как... Как во сне. От левой косы Синюхина гряда начинается. С другой стороны эту гряду второе озеро поджимает, Легонтово называется. Монах тут жил когда-то, Легонт прозвищем. Безмолвия искал.

Соня (*со вздохом*). Безмолвия тут хватает...

Васков. Немцам один путь: меж этими озерами, через гряду. Выберем позицию, отдохнем и будем ждать. Так, что ли, товарищи бойцы? (*Соня ложкой гуцу передвигает Васкову.*) Напрасно стучишь, товарищ переводчик. Я тебе, понимаешь ли, не дролюшка, и нечего мне кусочки подкладывать. Наворачивай, как бойцу положено.

Соня (*с улыбкой*). Я наворачиваю.

Васков. Вижу! Худющая, как весенний грач.

Соня. У меня конституция такая.

Васков. Конституция?... Вон у Бричкиной такая же конституция, как у нас у всех, а – в теле. Есть на что поглядеть... Отдохнули? Строиться! (*Девушки строятся.*) Слушай боевой приказ! Противник силою до двух вооруженных до зубов фрицев движется на Кировскую железную дорогу. Нашему отряду в количестве шести человек поручено

захватить противника в плен. На запасной позиции оставить все имущество под охраной бойца Четвертак. Боевые действия начинать только по моей команде. Вопросы?

Галя (*обиженно*). А почему это меня в запасные?

Васков. Несущественный вопрос, товарищ боец. Приказано вам, вот и выполняйте.

Рита. Ты, Галка, наш резерв.

Женька. Вопросов нет, все ясноенько.

Васков. А ясноенько, так прошу пройти на позицию. Лежать, как мышам. Чтоб и не шевельнулся никто. Первыми я с ними говорить буду.

Соня. По-немецки?

Васков. По-русски! А вы переведете, ежели не поймут. Ясно говорю? Все. Кончен инструктаж.

Сцена 10

Все ложатся между камнями, Васков с биноклем. Женька расчесывает волосы.

Васков (*обходит дозор*). А вам, боец Комелькова, только бы прихорачиваться!

Женька. Уже и расчесаться нельзя? Вы не думайте, там у меня Лиза Бричкина наблюдает. Она глазастая.

Васков. Ладно, ладно, поправляйся.

Женька. Товарищ старшина, а вы женаты?

Васков (*про себя*). Позиции определяет. Совру. У, глаза, как стопятидесятимиллиметровая пушка-гаубица. (*Вслух.*) Женатый, боец Комелькова.

Женька. А где ваша жена?

Васков. Известно где – дома.

Женька. А дети есть?

Васков (*со вздохом*). Дети?.. Был мальчонка. Помер. Аккурат перед войной.

Женька. Умер?..

Васков. Да, не уберегла маманя... а жена нас бросила. Как там у тебя, Осянина?

Рита. Никого, товарищ старшина.

Васков. Продолжай наблюдение.

Васков подходит к Соне. Соня сначала читала, потом поет.

Васков. Кому читаешь-то?

Соня (*смутясь, отложила книжку*). Никому. Себе.

Васков берет книжку.

Васков. Тонюсенькая, что наставление по гранатомету (*листает*). Глаза портишь.

Соня. Светло, товарищ старшина.

Васков. Да я вообще.. И ты вот что, ты на камнях-то не сиди. Они остынут скоро, начнут из тебя тепло тянуть, а ты и не заметишь. Ты шинельку подстилай.

Соня. Хорошо, товарищ старшина. Спасибо.

Васков. И громко не читай. Вечеру воздух сырой тут, плотный, а зори здесь тихие, и потому слышно аж за пять верст. И поглядывай. Поглядывай, боец Гурвич.

Васков подходит к Бричкиной.

Васков. Откуда будешь, Бричкина?

Лиза. С Брянщины, товарищ старшина.

Васков. В колхозе работала?

Лиза. Работала. А отцу больше помогала. Он лесник, на кордоне мы жили.

Васков. То-то крикаешь хорошо. (*Лиза смеется.*) Ничего не заметила?

Лиза. Пока тихо.

Васков. Ты примечай, Бричкина. Человек ты лесной, все понимаешь.

Лиза. Понимаю.

Васков. Вот-вот... Ты ждешь, Лизавета, от друга приветов... (*Поет.*)

Лиза (*подхватывает*). Ты не спишь до рассвета, /Всё грустишь обо мне. /Одержим победу, /К тебе я приеду /На горячем боевом коне. /Одержим победу, /К тебе я приеду /На горячем боевом коне.

Васков. После споем с тобой, Лизавета. Вот выполним боевой приказ и споем.

Лиза (*с улыбкой*). Честное слово?

Васков. Ну, сказал ведь. (*Подмигнул ей, смутился и отошел*).

Лиза. Ну, смотрите, товарищ старшина! Обещались!..

Васков подходит к Гале.

Васков. Ты чего скукожилась, товарищ боец?

Галя. Холодно...

Васков протянул к ней руку, а Галя отпрянула.

Васков. Да не рвись ты, господи! Лоб давай. Ну?.. (*Васков трогает лоб.*) Жар у тебя, товарищ боец. Чуешь? (*Вынимает из сидора флягу и протягивает Гале.*) Так примешь или разбавить?

Галя. А это что?

Васков. Микстура. Ну, спирт, ну?

Галя (*машет руками*). Ой, что вы, что вы...

Васков. Приказываю принять!.. Пей.

Галя. Нет, что вы...

Васков. Пей, без разговору!..

Галя. Ну, что вы в самом деле! У меня мама – медицинский работник...

Васков. Нету мамы. Война есть, немцы есть, я есть, старшина Васков. А мамы нету. Мамы у тех будут, кто войну переживет. Ясно говорю?

Галя выпивает, закашливается, Васков стучит ей ладонью по спине, Галя размазывает ладонью по щекам слёзы, улыбается.

Галя. Голова у меня... побежала!..

Васков. Завтра догонишь. (*Васков укрывает ее своей шинелью.*)

Галя. А вы как же без шинели-то?

Васков. Я здоровый, не боись. Выздоровей только к завтраму. Очень тебя прошу, выздоровей.

Рита (*Васкову*). Может, зря сидим?

Васков. Т-с-с.

Рита. Что?

Васков. Тише, слышишь?

Рита. Птицы кричат...

Васков (*смеясь*). Сороки!.. Сороки-белобоки шебаршат, Рита. Значит, идет кто-то, беспокоит их. Не иначе – гости. Осянина, подымай бойцов. Мигом!

Сцена 11

Рита поднимает девушек. Васков смотрит в бинокль.

Васков. Ну, идите же, идите, идите...

Подходит Соня и шепотом считает.

Соня. Три... пять... восемь... десять... двенадцать... четырнадцать... пятнадцать, шестнадцать... Шестнадцать, товарищ старшина...

Васков (*Лизе*). Веселей дыши, Бричкина. Это ж даже лучше, что шестнадцать их. Поняла? (*Лиза согласно кивает.*) Прорвёмся! Дорогу назад хорошо помнишь? (-Ага).

Васков. Погоди, Лизавета, не гоношись. Главное дело – болото, поняла? Бродок узкий, влево-вправо – трясина. Ориентир – береза. От березы прямо на две сосны, что на острове.

Лиза. Ага.

Васков. Перед болотом отдышись малость, сразу не лезь, поняла? А то болото тебя одолеет.

Лиза. Ага.

Васков. Доложишь Корьяновой обстановку. Мы тут фрицев покругим маленько, но долго не продержимся, сама понимаешь... шестнадцать.

Лиза. Ага. Побежала я.

Васков. Дуй, Лизавета батьковна.

Сцена 12

Группа поет песню из кинофильма «Белорусский вокзал» - «Нам нужна одна победа». Слышатся звуки боя, девушки выбегают, отстреливаясь.

Гаснет свет, звучит «Адажио» Альбиони. Выходят тени девушек, которые под светом прожектора рассказывают о своей гибели.

Лиза. Я влюбилась в Васкова сразу: когда стоял перед нашим строем, растерянно моргая еще сонными глазами. Но жила все это время, задыхаясь от застенчивости, и никогда бы нам и глазами-то не столкнуться, если бы не этот случай. Поэтому я летела через лес, как на крыльях. Я так спешила, потому что помнила слова Федота: «Мы с тобой, Лизавета еще споем: «Одержим победу, к тебе я приеду на горячем вороном коне...» Возвращалась я через то же знакомое болото, но забыла слегу, потому что очень спешила. Но ни грязь, ни холод, ни живая дышащая под ногами почва меня не пугали. Страшным было одиночество. Мертвая загробная тишина нависла над болотом. Я чувствовала почти животный ужас, я тряслась, боясь оглянуться, сделать лишний шаг или громко вдохнуть, и ужас этот не только не пропадал, а с каждым шагом все больше и больше накапливался во мне. Жидкое месиво цеплялось за бедра, волоклось за мной, и я с трудом, задыхаясь и раскачиваясь, продвигалась вперед, шаг за шагом цепенея от ледяной воды. Я всхлипывала, размазывала слезы по щекам, вздрагивая от холода, одиночества и омерзительного страха, но упорно шла вперед. Вдруг огромный бурый пузырь вспучился передо мной. Это было так неожиданно, что я рванулась в сторону. Всего на шаг в сторону, а ноги потеряли опору. Их медленно, страшно медленно тащило вниз. Руки без толку гребли топь, и я, задыхаясь, извивалась в жидком месиве. Я начала звать: «Помогите!... На помощь!...». Жуткий одинокий крик долго звенел над равнодушным ржавым болотом и взлетал к безоблачному майскому небу. Но кто мне мог помочь? Последнее, что я запомнила – это синее прекрасное небо. Хрипя, выплевывая грязь, я тянулась, тянулась к нему и верила, что завтра будет и у меня...

Соня. Федот Евграфыч на камне оставил сушиться кисет, а я его забыла и бросилась принести. Я бежала без опаски по уже известному пути. Бежала, радовалась, что смогу помочь, и понять не успела, откуда свалилась эта огромная грубая тяжесть, почему пронзительной, яркой болью рванулось вдруг сердце... Нет, понять успела, и крикнуть, потому что не достал нож до сердца с первого удара. Я тускло смотрела в небо полужакрытыми глазами, и гимнастерка на груди была густо залита кровью. Прибежали Васков и Женька. Федот Евграфыч осторожно расстегнул гимнастерку, приник ухом. Слушал, долго слушал, а Женька беззвучно тряслась сзади кусая кулаки. «Вот ты почему крикнула, - вздохнул старшина. – Ты потому крикнуть успела, что удар у него на мужика был поставлен. Не дошел он до сердца с первого раза».

Галя. Когда завязался наш первый бой с немцами, я настолько испугалась, что и выстрелить-то ни разу не смогла. Лежала, спрятав лицо за камнем и уши руками зажав. Другое стояло перед глазами: серое, заострившееся лицо Сони; ее полужакрытые, мертвые глаза и затвердевшая от крови гимнастерка. И... две дырочки на ней – от ножа. Вместе с Васковым и Женькой я шла на поиски немцев. Я механически спешила и не думала ни о Соне, ни о смерти. Физически, до дурноты ощущала проникающий в ткани нож, слышала

хруст разорванной плоти, чувствовала тяжелый запах крови. Я хотела бы забыть это, вычеркнуть – и не могла. И это рождало во мне тупой, чугунный ужас, и я шла под гнетом этого ужаса, ничего не соображая. Боец во мне уже был убит. Убит, без единого выстрела. Мы увидели немцев, и Васков надежно спрятал нас, пока они пройдут мимо, чтобы чесать им в спину. Немцы шли молча, пригнувшись и выставив автоматы. Они должны были пройти мимо нас и тогда их спины были бы для нас отличной мишенью. Но не прошли... Ничего не видя и не соображая, заломив руки за голову, я побежала из кустов через поляну. Коротко ударил автомат – и я с разлету сунулась лицом в землю, так и не сняв с головы заломленных в ужасе рук. Последний крик мой затерялся в булькающем хрипе, а ноги бились, вонзаясь в мокрый мох.

Женя. Настоящий ужас я ощутила, когда приняла свой первый рукопашный бой, когда фрица прикладом по голове била. Раздумывать было некогда. Мы выследили фрицев, и старшина полоснул отточенным лезвием по горлу фашиста так, что он и вздохнуть не успел. Но другого не сумел ножом достать. Завязался бой. Фриц давил Федота Евграфыча всей тяжестью, а был он здоровый, как бык. Я понимала, долго так продолжаться не может. И... я ударила немца прикладом по затылку, еще раз ударила... «Молодец, Комелькова...», хриплым голосом сказал старшина. - Ну вот, Женя, на двоих, значит, меньше их стало...» И вдруг такое отвращение на меня нашло, что я упала на колени. Я ощущала запах крови, ощущала ее соленый, гадкий вкус, мне казалось, что весь мир ею залит... Шатаясь, как пьяная, я пошла за кусты, упала на колени: тошнило меня, выворачивало... «Брось, - услышала я голос Федота Евграфыча.- Попереживала и будет. Тут одно понять надо: не люди это, товарищ боец, не человеки, не звери даже – фашисты. Вот и гляди соответственно». А потом Риту ранило осколком гранаты в живот. Пока старшина перевязывал ее, я, отстреливаясь, увела фашистов за собой. Так было надо. Я всегда верила в себя, и сейчас ни на мгновение не сомневалась, что все окончится благополучно. И даже когда первая пуля ударила в бок, я просто удивилась, ведь так глупо и несуразно умирать в девятнадцать лет. Немцы ранили меня вслепую, сквозь листву, и я могла бы затаиться, переждать и, может быть, уйти. Но я отстреливалась, пока были патроны. Стреляла лежа, уже не пытаюсь убежать, потому что вместе с кровью уходили силы. И немцы добились меня в упор, а потом долго еще смотрели на мое гордое лицо.

Рита. Старшина нашел меня раненную, скорчившуюся от боли. Я силилась улыбнуться, то и дело облизывая губы, а по рукам, накрест зажавшим живот, текла кровь. Федот Евграфыч положил меня на спину, мягко отстранил руки и понял, что все... Даже разглядеть было трудно, что там, потому что смешалось все – и кровь, и рваная гимнастерка, и вмятый туда, в живое, солдатский ремень. Но виду не подал: «Ничего, Рита, ничего... Держись!» Я знаю, что моя рана смертельна и что умирать буду долго и трудно. Сначала боли почти не было, только все сильнее пекло в животе и хотелось пить. Но пить было нельзя, и я просто мочила в луже тряпочку и прикладывала к губам. Когда Васков ушел к Женьке, поначалу я еще слышала выстрелы, но вскоре все вдруг затихло, и я заплакала, хотя давно уже разучилась это делать. Плакала беззвучно, без вздохов, просто по лицу текли слезы. Я поняла, что Женьки больше нет... А потом и слезы пропали: я стояла перед бездной. Я не жалела себя, потому что в этой жизни у меня оставалось более важное: мой сын оставался сиротой, оставался один на руках больной матери.

Возвращается Васков, прижимая раненую руку к груди.

Рита. Болит?

Васков. Здесь у меня болит (*стучит себя в грудь*). Здесь свербит, Рита. Так свербит!.. Положил ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев?

Рита. Ну зачем так... Все же понятно, война...

Васков. Пока война, понятно. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему вам умирать приходилось? Что ответить, когда спросят: что ж это вы, мужики, мам наших от

пуль защитить не могли? Что ж это вы со смертью их ожените, а сами целенькие? Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал? Да ведь там тоже, поди, охрана, там ведь людишек куда больше, чем пятеро девчат да старшина с наганом!

Рита. Не надо. Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канал.

Васков *(со вздохом)*. Да... Ты полежи тут покуда, а я вокруг погляжу. А то наткнуться – и конец нам. Возьми. *(Подает пистолет.)* Два патрона, правда, осталось, но все-таки спокойнее с ним.

Рита. погоди! Помнишь, на немцев я в лесу наткнулась? Я тогда к маме в город бегала. Сыночек у меня там, три годика. Аликотом зовут – Альбертом. Мама больна очень, долго не проживет, а отец мой без вести пропал.

Васков. Не тревожься, Рита, понял я все.

Рита. Просьбу мою последнюю исполнишь?

Васков. Нет!

Рита. Бессмысленно это. Все равно ведь умру. Только намучаюсь.

Васков. Я разведку произведу и вернусь. К ночи до своих доберемся.

Рита. Спасибо тебе. *(Улыбнувшись)* Иди.

Васков выходит.

Рита стреляет себе в висок.

Васков. Не-е-т! Не победили они нас. Я еще живой, меня еще повалить надо!..

Васков падает на колени на землю, схватив голову руками. Стучит кулаками по земле, рыдает и выходит. Девочки выходят на сцену, поют песню «Журавли». Оборачиваются спиной к залу, уходят вглубь сцены. Выходит Васков.

Звучит музыка песни из кинофильма «Офицеры».

Васков. Покачиваясь и оступаясь, я брел навстречу немцам. Белые сумерки тихо плыли над прогретыми камнями, а в низинах копился туман. И в этом белесом мареве все чудились мне девочки, все пятеро... Девочки мои, милые мои, простите, простите меня... У меня не было цели, у меня было только желание. Я не кружил, не искал следов, а шел прямо в логово врага. Я шел к избе, в которой немцы хранили взрывчатку. Я рванул скособоченную дверь, прыжком влетел в избу: «Хенде хох!» А они спали. Отсыпались перед последним броском к железке. Только один не спал, метнулся к оружию, но я почти в упор всадил ему пулю... Я забыл вдруг все немецкие слова и только ругался самими черными словами... Нет, не крика они испугались, не гранаты, которой я размахивал. Просто подумать они не могли, в мыслях представить даже, что один я, на много верст один-одинешинек. Попадали они мордами вниз, как велел, а потом связали друг друга. И вдруг меня взял такой озноб...

- Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы никуда, все шестнадцать не прошли...

Васков уходит.

Звучит объявление Левитана о победе.

Все участники спектакля исполняют песню «День Победы», дети раздают цветы ветеранам.